

ИСТОКИ СИМВОЛИЗМА В МИФОЛОГИИ

Раскрывается научный вклад представителей символистского направления в понимании мифологии в постановку и решение вопросов о символическом содержании мифологии, её историческом значении и роли в формировании основных аспектов жизни социума. Раскрыты теоретические основы символизма Э. Кассирера, показано развитие идей символической мифологии в работах его последователей, в том числе и в восточноевропейской мысли. Выявлены особенности трактовки мифа и символа различными представителями символистского направления, в том числе С. Лангер, В. Урбаном, Э. Каунтом, М. Бахтиным, А. Лосевым, представлены основные дискуссионные вопросы. Ключевые слова: миф, мифология, символ, символическое направление философской мысли.

Постановка проблемы. Миф как неотъемлемая часть бытия общества на всех этапах его развития всегда несёт в себе символическую нагрузку. Особую роль символ и миф играют в современной культуре: они присутствуют не только в религиозном сознании, но и в обыденном, вне данных феноменов невозможно представить социально-политическую сферу, как, впрочем, и повседневное человеческое бытие. При этом вопрос о характере и уровне взаимодействия мифа и символа, а также вопрос об иерархии этих категорий в культуре остаются открытыми в современном научном дискурсе.

Вопрос о значении символа в мифе поднимается многими учёными, но даже определения этих понятий весьма отличаются. В связи с многообразием толкований мифа и символа, а также – понимания принципов их взаимодействия, возникает потребность в анализе работ представителей символической школы в философии, прежде всего как истока современных интерпретаций феноменов и мифа и символа. Анализу данной проблематики посвящены работы таких современных украинских исследователей как Н. Абрамкина [1], М. Лановик [5], Г. Мамалуй [7], А. Павлова [10] и др. Однако, в большинстве работ интерпретируется только концепция Э. Кассирера, тогда как подходы его последователей остаются без внимания. Исключением в этом смысле является монография Е. Мелетинского «Поэтика мифа» [9], однако и этот анализ является недостаточным и требует дополнения. Отсюда целью статьи является выявление основных идей символической интерпретации мифологии и особенностей научно-теоретических подходов к мифу, сформировавшихся у представителей символического направления в понимании мифологии.

Символическая школа мифологии, возникшая в начале XX в., является одной из самых молодых школ, исследующих мифологическую картину мира, особенности этого типа мировоззренческого сознания. Символическая теория мифа наиболее полно была разработана немецким философом-неокантианцем Э. Кассирером (1874-1945). Благодаря именно его подходу и концепциям его последователей существенно изменилось понимание интеллектуального своеобразия мифа как автономной символической формы культуры, особым образом моделирующей мир [12, с. 378]. В рамках этой школы были объединены усилия культурологов, философов, лингвистов, специалистов по семиотике, искусствоведов. Позже наработками этой школы активно пользовались представители других исследовательских направлений, в частности, структуралист К. Леви-Стросс. Следует отметить, что присутствие и значимость символа в мифе было замечено значительно раньше. Символическая интерпретация мифа восходит ещё ко времени античности (Платону), в дальнейшем уступает место аллегорической трактовке мифа в эпоху средневековья и вновь появляется в работах романтиков. Параллельно с символической теорией Э. Кассирера развивалась также родственная ей мифо-символическая концепция К. Юнга.

Для символической школы в целом было характерно понимание культуры как некоей знаковой системы, созданной человеком благодаря его особой способности к символизации. Как утверждает С. Мамонтов, культура «стала рассматриваться как сложнейший и строго иерархизированный «текст», несущей опорой которого является естественный язык, органически взаимодействующий с другими «языками» – системами знаков в науке, повседневной жизни и особенно в искусстве, с «языками» музыки, живописи, театра, архитектуры, кино, телевидения и т.д.» [8, с. 45]. Именно символическая школа во главе с Э. Кассирером начала рассматривать мифологию наряду с языком и искусством в качестве автономной символической формы культуры.

Следует заметить, что этой темой Кассирер занялся не сразу. Являясь одним из ведущих мыслителей марбургской школы неокантианства, в начале своей деятельности он уделял большое

внимание проблематике теории познания, логике, истории философии, разработал собственную теорию понятий. Позже Кассирер перешел к анализу проблем философской антропологии, культуры, языка, мифа и символа. В 20-х гг. XX ст. философ создаёт оригинальную концепцию философии культуры. На творчество Э. Кассирера, как неокантианца, сильно повлияла теория познания И. Канта. Это влияние ощутимо и в его символической теории мифа. Однако, из кантовской системы Кассирер устраняет понятие «вещи в себе»; он отвергает кантовские сферы теоретического и практического разума, взамен которых разрабатывает идею существования единого мира культуры. По мнению Кассирера, объектом процесса познания не могут быть предметы, поскольку человек познает не предметы, а предметно. Предметы сами конституируются сознанием, где каждый из них является только особым взглядом на действительность. Познание имеет дело не с вещью, а с отношением. Кассирер указывает на неразрывную связь между теорией познания и общей духовной культурой, которая находит своё выражение в мифе, религии, психологии, метафизике, этике, эстетике. В своём фундаментальном труде «Философия символических форм» Кассирер подчёркивает, что естественнонаучное мышление – это особая форма выражения творческой энергии духа, где дух, духовная культура и культура в целом – по сути своей тождественные, и противоположные природе. Средство, с помощью которого происходит всякое оформление духа в его основных направлениях, Кассирер обнаружил в знаке, символе («символической форме») [11, с. 389]. Функция символизации представлена одинаково во всех формах духа – в словах, конструкциях мифического мышления, притчах, аллегориях, метафорах и т.д.

Для Э. Кассирера символ занимает ключевое место в понимании человека: «Человек сумел открыть новый способ приспособления к окружению. У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. По сравнению с другими животными человек живёт не просто в более широкой реальности – он живёт как бы в новом измерении реальности» [2, с. 28]. В «Опыте о человеке» Кассирер обращает внимание читателя на недостаточность дефиниции человека как «animal rationale», поскольку понятие разума не способно охватить все формы культурной жизни человека во всем её разнообразии. При этом, каждая культурная форма является символической, а поскольку символ Кассирер считал ключом к природе человека, то потому и дефиниция человека, по его мнению, должна звучать как «animal symbolicum» [2, с. 30]. Таким образом, человек живёт в собственном символическом универсуме, куда входят язык, миф, искусство, религия, тесно переплетенные в человеческом опыте. При этом человек обращён на самого себя, а не на реальные вещи, поэтому взаимодействие с отдаляющимся физическим миром происходит при посредничестве символов, воображаемых эмоций и иллюзий. Подчеркнём, что понятие «символическая форма» является ключевым в теории Кассирера.

Мифология для Кассирера – это автономная символическая форма культуры, замкнутая символическая система, объединённая и характером функционирования, и способом моделирования окружающего мира. Миф духовно возвышается над миром вещей в образах, которые их заменяют [см.: 9, с.47]. Более того, миф для Кассирера является первичной формой культуры, которая не исчезла с развитием человечества, а продолжает действовать, являясь ядром сознания человека. Именно мифологией определяется история того или иного народа, согласно с ней развивается общество. Вместе с этим, мифологии, как и всем видам человеческой деятельности, присуща рациональность. Она обладает систематизированной или концептуальной формой, однако нельзя характеризовать структуру мифа как рациональную. Мифология феноменальна, а не иллюзорна, и воспринимается на веру. Для неё является характерным отождествление, а не синтезирование отношений, замена законов конкретными образами. В мифе отсутствуют чёткие границы между целым и частью, поэтому часть обладает всеми предикатами целого.

Во втором томе «Философии символических форм» Э. Кассирер подробно рассматривает миф как форму мышления, жизни и сознания. Согласно Кассиреру, для мифологического мышления характерно отсутствие различия между реальным и идеальным, вещью и образом. Поэтому сходство превращается в причинную последовательность, а причинно-следственный процесс имеет характер метаморфозы. Как утверждает Кассирер, «можно рассматривать прямо-таки в качестве характерного признака мифологического мышления то обстоятельство, что в нём отсутствует категория «идеального» и что при встрече с чисто смысловыми явлениями ему приходится претворять эти смысловые явления в нечто вещное, в некое бытие» [3, с. 29]. Немалое значение, по мнению Кассирера, миф имеет для религии, поскольку в мифологии зарождается и развивается представление о богах: «Мифологический процесс представляет собой теогонический процесс: процесс, в котором происходит становление самого бога, в котором он, как истинный

бог, шаг за шагом порождает себя самого» [3, с. 12]. Через мифологию, как первую попытку познания мира, можно приблизиться к пониманию формирования религиозных понятий.

Итак, философия мифа, разработанная Э. Кассирером, хоть и несёт в себе некоторые противоречия, остаётся единственной в своём роде, поэтому продолжает активно использоваться в научных разработках исследуемой темы. Подход к мифу, предложенный Кассирером, нашёл множество последователей, которые развивали и дополняли представление о мифологии как символической форме культуры.

Среди учёных, разрабатывающих тему символизма в мифологии, выделяется имя С. Лангер, последовательницы Э. Кассирера. Её работы не получили широкого признания в странах Восточной Европы, однако имя С. Лангер широко известно в Соединенных Штатах. Помимо символической интерпретации мифологии, взятой у Э. Кассирера, которого С. Лангер считала пионером философии символизма и посвятила ему специальную работу [16, с. 384], на творчество С. Лангер повлияли и другие мыслители. Среди них следует отметить Гарвардского логика Генри С. Шеффера, познакомившего её с формальной логикой во время её обучения в Рэдклиffe, а также давшего положительный отзыв в рекомендательном письме в связи с её выпуском. В частности, он писал, что С. Лангер имеет «более жесткую хватку в отношении проблем философии, чем многие доктора наук Гарварда» [15]. Г. Шеффер, в свою очередь, как ученик американского философа И. Ройса, имел экспансивное видение логики как науки о порядке или формах в целом. Помимо Г. Шеффера, на творчество Лангер повлиял также А. Уайтхед, который был её советником по написанию докторской диссертации на тему: «Логический анализ смысла». С. Лангер хорошо известна в профессиональной среде также в связи с её вкладом в развитие философии культуры, в частности, философии искусства. Она часто использовала логические понятия в своей разработке теории художественного замысла. Речь идёт, к примеру, об идее рассмотрения искусства как «логического выражения» чувств или описания музыки как логической картины чувств, чувственной жизни в «Философии в новом ключе». В целом же логическая концепция С. Лангер была унаследована от Шеффера и модифицирована в связи с её исследованием проблемы эпистемологической значимости искусства.

Публикация «Философии в новом ключе» (1942 г.) ознаменовала собой сдвиг научных интересов С. Лангер – от формальной логики к общей теории человеческого потенциала, который она назвала «символической трансформацией». Это понятие появилось благодаря влиянию трёхтомной работы Э. Кассирера «Философия символических форм», которую С. Лангер прочла задолго до её перевода на английский язык. В произведении Э. Кассирера предполагалось, что абстракции и метафоры, доступные для человеческого понимания, зависят от символических материалов, которые используются для их оформления, и что оценивать эти модели необходимо не только при помощи ресурсов одного языка, а необходимо включать также системы формальной логики и математики. С. Лангер расширяет дефиниции разума и знаний в «Философии в новом ключе», чтобы охватить не только дискурсивную формулировку опыта, воплощенную в спонтанной активности мечтания и в культурной продукции мифа, ритуала и искусства.

Особое внимание следует уделить двум главам из «Философии в новом ключе», а именно – «Символы жизни как корни мифа» и «О значении в музыке». С. Лангер отмечает, что метафорическое мышление и искусство являются теми интеллектуальными видами деятельности, которые определяются символическими формами [см.: 4, с. 139]. И хотя миф связывается в основном с религией, на самом деле его происхождение невозможно отследить. Отсюда С. Лангер сравнивает миф с «религиозным чувством», страхом, мистическим благоговением и праздничным возбуждением. Философ, культуролог старается проследить путь преобразования фантазии в миф. По её мнению, миф берёт своё начало в примитивной фантазии – слабо выраженной и полностью субъективной. Эта фантазия ограничена чувствами и желаниями её автора, в ней проявляются его скрытые страхи, а также тяга к самовыражению. По мере распространения истории, она сталкивается с более строгими требованиями к её значению. Чисто личностные символы замещаются более универсальными и начинают принимать более разумную форму. Однако подобные усовершенствованные фантазии всё ещё не являются мифами. По словам С. Лангер, «Сказка потребовала не более высокого уровня рассказывания истории, а тематического сдвига» [4, с. 157]. Помимо этого, существенная разница между сказкой и мифом проявляется в отношении к ним людей. Сказка – это откровенно фантастическое повествование, которое не несёт особой

смысловой нагрузки и служит, в первую очередь, для развлечения и удовлетворения желаний. С другой стороны, «миф, верят ли в него в буквальном смысле или нет, воспринимается с религиозной серьёзностью – либо как исторический факт, либо как мистическая «истина» [9, с. 158]. В отличие от сказки, миф редко бывает утопичен. К тому же, образы главных героев в мифах куда более глубокие, чем в сказках. Более того, образы, имеющие подобные предикаты (качества, обстоятельства и т.д.) отождествляются и сливаются в один образ со многими именами. Поэтому мифы предстают перед человеческим взором не как отдельные несвязанные истории, а как сеть глубоко взаимосвязанных, переплетающихся между собой рассказов о событиях реального мира. В главе «О значении в музыке» С. Лангер сравнивает миф и музыку. По её словам, миф и музыка действуют по сходному принципу, одинаково наполнены символами и чувствами. «Музыка является нашим мифом внутренней жизни – молодым, энергичным и значимым мифом, мифом недавнего вдохновения и мифом, всё ещё остающимся на стадии «растительного» развития» [4, с. 218].

По мнению Е. Мелетинского, С. Лангер «как бы приземляет символическую теорию Э. Кассирера, представляя мифологический символизм своеобразным обобщением игры эмоциональных сил личности, упорядоченных посредством своеобразной первобытной философии, выводящей отдельного человека с его жаждой удовлетворения желаний на космическую арену» [9, с. 55]. Личностный аспект у Лангер возвышается над социальным. По её мнению, «высшее достижение, на которое способен миф, – показ человеческой жизни и космического порядка, которые обнаруживает эпическая поэзия» [4, с. 180]. Сам же миф является примитивной фазой метафизической мысли и со временем будет вытеснен философией. Лангер верит в то, что со временем человеческая мысль войдет в рационалистический период, в котором, после полной рационализации взглядов и идей, возникнет новая мифология.

Среди американских философов, которые следовали неокантианским взглядам Э. Кассирера о положительном значении мифологической символики, следует выделить В. М. Урбана [см.: 13]. Его теория мифов представлена в книге «Язык и реальность. Философия языка и принципы символизма», поделенной автором на две части. В первой части книги – философии языка – основное внимание уделяется возникающим проблемам языка по отношению к логике и знаниям. Во второй части книги рассматриваются жизненные аспекты теории символизма, а именно – определение, классификация, принципы, трансцендентность и интерпретация. По мнению Урбана, наиболее близким к истине является традиционное использование понятия «символ», которое было сформировано в поэзии, искусстве и религии. Такое традиционное понятие символа выгодно отличается тем, что оно сосредотачивается на понимании, а не на буквальном толковании. Также он критикует попытки отождествления символов и знаков, настаивая на том, что символы тесно и неотделимо связаны с интуицией, а знаки являются оперативными и обладают неинтуитивным отношением к объекту. Символ функционирует на более глубоком уровне познания и восприятия, чем знак.

Среди всего многообразия символов, Урбан выделяет три вида: внешние, внутренние и интуитивные (проницательности), которые отличаются друг от друга, прежде всего глубиной смысла. Именно интуитивные символы являются основой для религии: «Самой сутью религиозного языка, как мы его видим, является символ проницательности. Понятие о Боге, как о отце – не просто образный символ, но и символ с помощью которого задано не только живописное знание, но и фактическое представление о природе духовных отношений» [13, с. 37]. Для Урбана миф является уникальным способом постижения мира, который имеет свои собственные категории и предположения. Миф является фундаментальной основой религии, поскольку первичные религиозные символы происходят от мифов. Религия использует язык мифа для того, чтобы при его помощи символизировать немифологическую реальность. Таким образом, миф обеспечивает строительным материалом религиозную символику. С другой стороны, миф и религия не тождественны. Хотя религиозное сознание выражает представления языком мифа, это не означает буквальное признание веры в мифы, поскольку последние трактуются в первую очередь символически, что позволяет достичь их идеального значения. Миф считается незаменимым в религии по причине того, что невозможно отделить язык мифа от религии.

В теории мифов Урбана не последнее место отведено гносеологическим и аксиологическим вопросам. Так, по его мнению, миф является основным и единственным способом, при помощи которого происходит постижение реальности. Реальность предоставляет выражение качеств и ценностей, которые ускользают от научной символики. Миф использует только драматический язык,

который в конечном итоге является понятным. Таким образом, миф должен восприниматься всерьёз, но не следует воспринимать его буквально. Следует также отметить, что хотя Урбан и соглашается с Кассирером в его положительном понимании мифа, но делает он это по другим причинам. Согласно Урбану, символизм как мировоззрение имеет двойственный характер и охватывает реальное и нереальное, правду и вымысел. Мифические символы воссоздают не-мифическую, не-символическую реальность. Для Кассирера символ является составной частью реальности; нет никакой объективной реальности или предмета самого по себе, за исключением символической реальности. Следовательно, если миф принимается серьёзно, он также должен приниматься буквально [см.: 14, с. 10].

Нельзя не упомянуть также работу Э. Каунта «Миф как мировоззрение. Биосоциальный синтез». Е. Мелетинский утверждает, что Э. Каунт «исходит из того, что представление реальности с помощью символов и процесс мифопоэтической символизации являются важнейшим аспектом сапиентизации человека, появления культуры из некультуры. От символизации как средства контактирования с реальностью неотделимы «технология» и «социальное регулирование» [9, с. 56]. Э. Каунт стоит на биологизаторских позициях и связывает процесс мифотворчества с деятельностью центральной нервной системы. По мнению Мелетинского, «статья Каунта не внесла ничего принципиально нового в изучение символического языка мифологии, будучи сосредоточена (в силу своего биологизаторского уклона) на проблеме анатомического субстрата символизации» [там же]. Однако, идеи Э. Каунта используются в современных работах, а значит – имеют потенциал, нужный в процессе объяснения мифологии.

Символическая интерпретация мифа, предложенная Э. Кассирером, нашла отклик также в работах А. Лосева, М. Бахтина, О. Фрейденберг, С. Аверинцева. Так, в текстах М. Бахтина можно заметить цитаты из работ Э. Кассирера, хотя и без соответствующих указаний на источники. В 1998 г. вышла статья Б. Пула «Бахтин и Кассирер», в которой тот сравнивает отдельные части текстов Бахтина и Кассирера, которые при переводе практически совпадают. Влияние Кассирера на Бахтина проявляется также в некоторых выводах последнего, касающихся закономерностей и форм развития культуры, а также их межсубъективного характера [см.: 17, с. 568].

Ощутимо влияние работ Э. Кассирера и на творчество А. Лосева. Как сообщает Р. Мнич, «Обращение Лосева к мыслям и книгам Кассирера было постоянным и творческим – многие философские рассуждения самого Лосева были спровоцированы чтением Кассирера» [17, с. 568]. Более того, сам Лосев нередко акцентировал внимание на родственность его и Кассирера мышлений. Например, в своей работе «Диалектика художественной формы» Лосев размышляет над тремя концепциями мифа – Прокла, Шеллинга и Кассирера. При этом Лосев прямо называет концепцию Кассирера родственной, а также сообщает сходства и отличия между ними. Для Лосева миф является символом: «Миф не есть ни схема, ни аллегория, но символ; и, уже будучи символом, он может содержать в себе схематические, аллегорические и жизненно-символические слои» [6, с. 71]. По его мнению, одна и та же выразительная форма может быть и символом, и схемой, и аллегорией одновременно. Также миф может быть двойным символом, где символы первой и второй степени символически связаны друг с другом. Некоторые аспекты мифологической теории Кассирера подвергаются критике у Лосева. Например, философ не соглашается с мнением Кассирера об отсутствии в мифологии истинности или закономерности, поскольку «в мифе есть своя мифическая истинность, мифическая достоверность. Миф различает или может различать истинное от кажущегося и предоставляемое от действительного» [6, с. 29]. Как видим, символическая теория, разработанная Э. Кассирером, активно использовалась и используется в работах, посвящённых мифологии, религии, культуре.

Выводы. Таким образом, проанализировав работы основных представителей символического направления философской мысли, посвящённые анализу символов в мифологии и шире – в культуре, можно сделать следующие выводы:

1. Для исследуемой школы в целом является характерным определение мифа как символической, первичной формы культуры, которая обуславливает исторический путь народов. Через мифологическое сознание происходит формирование духовной культуры человечества.

2. Важнейшей функцией мифологии, которую выделяют представители символического направления, является познание. При помощи мифа человек познаёт окружающий мир, себя самого, а также приближается к постижению сакрального.

3. Особый интерес представляет мысль, что миф является фундаментом и строительным материалом для любой религии. Благодаря особенностям мифологии религия символизирует немифологическую реальность, в ходе чего возникают образы богов.

4. Одним из дискуссионных моментов в понимании мифологии у представителей символической школы является вопрос о том, продолжит ли миф действовать с развитием культуры в последующие эпохи. Имеют место разные позиции: миф является вечным ядром сознания человека (Э. Кассирер); является ли миф единственным способом постижения реальности? (В. Урбан); миф постепенно исчезнет и заменится рациональным мышлением (С. Лангер).

5. В ходе дальнейших исследований следует рассмотреть возможность и варианты проявления символической мифологии в современном обществе, используя в качестве фундамента основные положения символической теории мифологии.

Литература

1. Абрамкина Н. В. Провідні концепти американського символічного літературознавства (на матеріалі творчого доробку С. Лангер) : Автореф. дис. канд. філол. наук / Н. В. Абрамкина; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 2005. – 19 с.
2. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры / Эрнст Кассирер // Проблемы человека в западной философии; [сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова]. – М.: Прогресс, 1988. – 552 с. – С. 3-30.
3. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 280 с.
4. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства / С. Лангер; [пер. с англ. С. П. Евтушенко]. – М.: Республика, 2000. – 287 с.
5. Лановик М. Б. Розвиток концептів «символ», «архетип» і «миф» у теоретико-літературних дослідженнях науки про переказ / М. Б. Лановик // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2005. – № 22. – С. 150-155.
6. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
7. Мамалуй Г. Я. Философские альтернативы XX века (проблема человека и кризис культуры) / Г. Я. Мамалуй // Лекции по курсу «История философии». – Вып.2. – Х.: Харьк. гос. акад. культуры, 2002. – 156 с.
8. Мамонтов С. П. Основы культурологии: учеб. пособие / С. П. Мамонтов; [Ун-т Рос. акад. Образования]. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во РОУ, 1996. – 271 с.
9. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М.: Наука, 1976. – 407 с.
10. Павлова О. Ю. Культурологічний аналіз «символічних форм» Ернста Кассирера: між сциллою натуралізмом і харибдою метафізики / О. Ю. Павлова // Вісник Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв. – 2005. – № 1. – С. 21-26.
11. Философский словарь. – К.: А.С.К., 2006. – 1056 с.
12. Философский энциклопедический словарь / [Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов]. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
13. Adesola Joan Akala. The Son-Father Relationship and Christological Symbolism in the Gospel of John. ed. by Michael Labahn / J. A. Adesola. – L., NY, 2014. – 246 p.
14. Bidney D. Myth, Symbolism, and Truth / David Bidney // Myth: A Symposium / Bibliographical and special series of the American folklore society, V. 5, The William Byrd Press. – 1955. – pp. 1-15.
15. Dryden D. Susanne K. Langer / D. Dryden, [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.huthsteiner.org/Knauth/Susanne.Knath.Langer_Bio_DLB.pdf.
16. Langer S. On Cassirer's Theory of Language and Myth / S. Langer // The Philosophy of Ernst Cassirer, edited by Paul Arthur Schilpp, The Library of Living Philosophers, vol. VI, 1949. – pp. 381-400.
17. Mnich R. Рецепция Кассирера в России в свете некоторых особенностей русской философии / R. Mnich (Р.Мнич) // Revue des etudes slaves, Tome 74, fascicule 2-3, 2002. – pp. 563-575.

Summary

Vusatyuk A. The Origins of Symbolism in Mythology. The article investigates the scientific contribution of the symbolic directions mythology in the formulation and solution of questions about the symbolic meaning of mythology, its historical significance and role in the formation of the main aspects of social life. The theoretical bases of symbolism E. Cassirer, shows the development of the ideas of symbolic mythology in the works of his followers, including Eastern European thought. The features of the interpretation of myth and symbol symbolic representatives of various directions, including S. Langer, M. Urban, E. Kaunt, M. Bakhtin, A. Losev, identified the main discursive questions. **Keywords:** myth, mythology, symbol, symbolic direction of philosophical thought.